

Н.Н. Трошин

РУССКИЕ АССИГНАЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОДДЕЛКИ: МИФЫ И ФАКТЫ

Тема подделки французами российских ассигнаций в 1812 г. представляет собой поистине уникальный случай в отечественной историографии. Чуть ли не всё, что было написано по этому вопросу зарубежными современниками, не только переведено на русский язык, но даже опубликовано подчас не один раз. При этом критический разбор иностранных источников практически отсутствует и ни один из них не ставился под сомнение. В тоже время отечественные источники опубликованы на редкость скудно, а сохранившиеся архивные материалы всё ещё не вовлечены в научный оборот. Долгое время фактически единственной специальной работой по данной тематике оставалась статья М.Б. Маршак, напечатанная в 1986 г. в Трудах Государственного Эрмитажа.

В результате трудно найти другую проблему в истории Отечественной войны 1812 года, которая оказалась бы до такой степени мифологизированой. Это в равной степени относится и к вопросу о том, какие цели преследовал Наполеон, предпринимая выпуск фальшивых российских ассигнаций, где осуществлялось их изготовление и, наконец, в каком количестве они были напечатаны.

Что касается целей, ради которых французским правительством были выпущены фальшивые русские ассигнации, то в литературе (по большей части популярной и научно-популярной, в меньшей степени собственно научной) бытует мнение, что Наполеон предпринял этот шаг с целью подорвать российские финансы¹.

Фальшивомонетчество в принципе, кто бы им не занимался, наносит ущерб государственным финансам. Вместе с тем ни один

фальшивомонетчик сознательно не ставит перед собой такой задачи. Эти люди преследуют куда более простые и доступные цели: личное обогащение. Столь же прагматичные цели (например, оплата содержания своей армии на вражеской территории) преследовали и иные коронованные особы, позволяя выпуск поддельной монеты.

Нет никаких оснований полагать, что Наполеон на сей раз ставил какие-то иные задачи. Если бы он действительно хотел подорвать российские финансы, то логично предположить, что французы предприняли бы попытки наводнить фальшивками денежное обращение России ещё до начала войны. Только в этом случае можно было рассчитывать на то, что распространившись, подделки закупорят каналы денежного обращения и приведут его в полного расстройство. В результате, столкнувшись с финансовыми трудностями, Александр I окажется не в состоянии мобилизовать ресурсы для отпора Наполеону и вынужденно пойдет с ним на переговоры. Однако факты свидетельствуют об обратном.

Так, например, А. де Бошан, автор знаменитой «Истории Ван-деи и шуанов», материалы для которой он получил благодаря своей службе в министерстве полиции², утверждал, что «в подделке русских билетов представились неожиданные затруднения: она производилась медленно», в результате «кампания уже началась», когда их привезли³. Впрочем, по мнению составителей энциклопедии Britannica, хотя А. де Бошан и основывался, как правило, на подлинных документах, его работы всё же не заслуживают полного доверия⁴. Однако о том, что ни одна ассигнация французской подделки до самого начала войны в июне 1812 г. не пересекла границы с Россией свидетельствует и другой источник, в котором сомнений быть не может. Российский министр финансов Д.А. Гурьев в феврале 1813 г. сообщал Александру I, что ещё весной 1812 г. им был направлен специальный чиновник ассигнационного банка «для наблюдения в Риге и по сухопутной границе до Радзивилова за появлением фальшивых ассигнаций. В то время не открыто ещё следов ввоза их»⁵, – сообщал министр.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что французские подделки появились в России уже в ходе Отечественной войны 1812 года. Но в этих условиях ни о какой «экономической диверсии» говорить не приходится. Да и какой смысл Наполеону расстраивать финансы на той территории, которую захватили французские войска? От этого в первую очередь пострадал бы он сам, лишившись возмож-

ности использовать местные ресурсы для снабжения своей армии. В то же время на денежном обращении на остальной территории России это бы никак не сказалось, поскольку фальшивые ассигнации практически не имели возможности пересечь линию фронта. На просторах Рунета, правда, можно прочесть о каких-то «инкассаторских обоях», которые специально посылались на дороги, занятые казаками, чтобы таким образом распространить фальшивые ассигнации,⁶ но этим вымыслам нет никаких подтверждений в источниках.

Зато в них есть прямые указания на то, что Наполеон не был заинтересован в расстройстве денежного обращения на тех территориях, которые занимала его армия. Об этом, в частности, невольно свидетельствует виленский гражданский губернатор А.М. Римский-Корсаков. В своём письме от 25 апреля 1813 г. к В.С. Ланскому он сообщал, что «при входе сюда французских войск начальство их, начиная от самой Варшавы, по всем местам начально покупало ассигнации на золотую и серебряную монету по курсу существующему, и сколько известно в Вильне искуплено было одним днём на весьма знатную сумму»⁷. В результате этих операций доверие к ассигнациям у местного населения только повысилось, а их курс, который существенно упал перед началом военных действий, немного вырос.

Таким же образом Наполеон поступил во время своего пребывания в Витебске. Население белорусских губерний, недавно присоединённое к России после раздела Польши, в расчётах по-прежнему предпочитало остававшуюся в обращении старые польские и прусские металлические монеты бумажным российским ассигнациям. Маркиз А.Д. де Пасторе, назначенный в 1812 г. интендантом Витебской провинции, предложил ряд мер для укрепления местных финансов и внедрения бумажных денег, но Наполеон их отверг, приказав поступить так же, как в Литве. «Приказание это, – писал маркиз А.Д. де Пасторе в своих воспоминаниях, – было выполнено довольно счастливо... бумаги поднялись до 73 и 72%»⁸. Речь в данном случае идет о вычете, который производился из нарицательной стоимости ассигнационного рубля при его размене на серебро. Иначе говоря, в результате принятых мер за рубль серебром стали давать от 3,70 до 3,57 руб. ассигнациями. Это вполне удовлетворило Наполеона, который не соглашался уступать ассигнации меньше чем за четверть цены, т.е. исходя из расчета 1 руб. серебром за 4 руб. ассигнациями.

Итак, факты, подтвержденные как французскими, так и русскими источниками, свидетельствуют о том, что предпринимая выпуск фальшивых ассигнаций, Наполеон вовсе не предполагал тем самым нанести ущерб российским финансам. В противном случае ему не имело смысла заботиться о том курсе, по которому ассигнации принимаются в расчётах. Напротив, стремление Наполеона поддержать курс ассигнаций прямо указывает на то, что его целью было желание сократить собственные расходы на эту кампанию.

Не меньше домыслов существует и по поводу места изготовления фальшивых российских ассигнаций. Помимо Парижа называются также Варшава, Дрезден и даже Москва. То, что фальшивки печатались где-то в Париже или, скорее, его окрестностях, сомнений не вызывает. Ещё Ф.П. Сегюр в своих «Записках о походе в Россию», опубликованных в 1825 г., сообщал о слухах, ходивших по Парижу в самом конце 1811 г. будто по приказу префекта полиции была разгромлена подпольная типография, где печатались фальшивые российские ассигнации⁹. Но о её месте расположения, видимо, ничего не говорилось. В своих критических замечаниях к «Запискам» Сегюра, вышедшим в том же 1825 г., в специальном очерке, посвящённом фальшивым российским ассигнациям, А. де Бошан упомянул Монпарнасский бульвар, хотя и не утверждал, что именно там располагалась тайная типография¹⁰. В записке некоего гравёра Лаля, которую опубликовал французский литератор Э.Ф. де Бомон-Васси в 1876 г., уже прямо утверждалось, что типография находилась на Монпарнасском бульваре, и даже назывался номер дома – 25. Впрочем, как следует из его слов, здесь изготавливались поддельные билеты Банка Англии, тогда как производство фальшивых российских ассигнаций началось позднее и осуществлялось уже на улице Вожирар, в доме 26¹¹.

Однако Э.Д. Паскье, занимавший как раз должность префекта полиции Парижа, не подтверждает ни версию с расположением тайной типографии на Монпарнасском бульваре, ни на улице Вожирар. В своих мемуарах, увидевших свет только в 1893 г., он утверждал, что она располагалась за городскими воротами на «равнине Монруж» и работала по ночам, благодаря чему и обратила на себя внимание полицейских агентов. Имея основания предполагать, что там печатались билеты Банка Франции, он отдал приказ проверить типографию. Оказалось, что там действительно печатались фальшивые деньги, но не французские, а русские и даже австрийские. Далее Э.Д. Паскье сооб-

щает, что не успели изъятые в типографии поддельные банкноты, печатные доски и гравировальные инструменты доставить в префектуру, как к нему пришёл министр полиции Савари, который дал некоторые разъяснения относительно существа дела. В частности, он пояснил, что руководил всей операцией г-н Демаре, а печатание фальшивок осуществлял типограф по фамилии Фэн, брат которого в это время был частным секретарем Наполеона. После чего все вещественные доказательства были забраны из префектуры в министерство полиции¹².

Таким образом, казалось бы, свидетельство официального должностного лица, лично причастного к описываемым событиям, в целом подтверждает записку гравёра Лаля. Действительно, фамилии основных действующих лиц (у А. де Бошана они обозначены только заглавными буквами) и описание захвата типографии совпадают. Однако в ряде существенных моментов записка гравёра Лаля противоречит мемуарам Э.Д. Паскье. В частности, неверно указано месторасположение типографии. Лаль утверждал, что в захваченной типографии изготавливались фальшивые английские банкноты, а к изготовлению российских приступили позднее, тогда как Э.Д. Паскье указал, что в типографии печатались именно русские подделки и ничего не сообщал об английских.

Кроме того, более близкое знакомство с трудами Э.Ф. де Бомон-Васси заставляет предположить, что это не столько исторические сочинения, сколько художественные произведения в духе «Рукописи, найденной в Сарагосе», в которой, как и у Э.Ф. де Бомон-Васси, повествование начинается с находки некоего манускрипта; или романов хорошо известного российского писателя В. Пикуля, в которых часто используются детали из подлинных документов, но от этого они не перестают быть литературным вымыслом.

Всё это заставляет критически отнестись к записке Лаля, хотя в отечественной историографии её принято считать чуть ли не главным источником. По всей видимости, основанием для неё послужили именно воспоминания Э.Д. Паскье, с рукописью которых мог быть знаком Э.Ф. де Бомон-Васси.

На русский язык мемуары Э.Д. Паскье не переводились, но имеется довольно вольное изложение вышеупомянутого отрывка, завершающееся собственным замечанием российского публикатора о том, что, «как известно, изготовление наших фальшивых ассигнаций возобновлено было Наполеоном в Дрездене»¹³.

Каким образом появился миф о том, что фальшивые российские ассигнации печатались в столице Саксонии, лучше всего объяснил уже упоминавшийся В. Пикуль, который сам способствовал его распространению. В своём романе «Пером и шпагой» он писал о тайных типографиях в Саксонии, которые принялись нашлапывать фальшивые ассигнации. Однако впоследствии он вынужден был признать, что несколько поторопился с выводами. В действительности никакой фабрики в Дрездене не было, хотя слухи об этом, возможно, и ходили. В. Пикуль ссылается в данном случае на малоизвестные мемуары А.А. Шаховского. На самом деле фальшивые ассигнации здесь были всего лишь изъяты. После победы союзников под Лейпцигом назначенному генерал-губернатором Саксонии Н.Г. Репнину донесли по секрету, что у королевского банкира Фреге имеются поддельные российские ассигнации. Проверить эту информацию Н.Г. Репнин поручил состоявшему при нём обер-аудитору А.О. Имбергу. Тот вполне удачно справился с деликатным делом, заставив банкира признаться в хранении фальшивых ассигнаций и отдать их российскому чиновнику, о чем впоследствии вспоминал в своих записках¹⁴.

Признав ошибку, В. Пикуль даже не подумал разобраться, откуда появились в Дрездене эти фальшивки, тут же обвинив короля Саксонии в том, что тот «взял на себя гнусную роль агента по распространению поддельных русских ассигнаций»¹⁵. Между тем А.О. Имберг сообщал лишь, что деньги (в сумме 1 млн руб.) были записаны в бухгалтерских книгах банкира как поступившие от Фридриха Августа, из которых выпущено в обращение только на 22 тыс. руб. и то, по всей видимости, по инициативе самого банкира. Однако из материалов другого дела нам известно, что, оставляя Варшаву вместе с отступавшей французской армией, министр финансов герцогства Варшавского 13 января 1813 г. отослал к саксонскому королю, который был формальным главой герцогства, с секретарем министерства «на полтора миллиона фальшивых ассигнаций». Следователям в Варшаве удалось узнать, что они были отданы в Дрездене «под роспись министра Брезы», допросить которого «по ненахождению в здешнем крае» не представлялось возможным¹⁶.

Таким образом, у банкира Фреге были изъяты, скорее всего, те самые фальшивые ассигнации, которые секретарь министерства финансов привёз из Варшавы, правда, невыяснено, где «потерялись» ещё полмиллиона рублей.

Кроме того, в королевском замке Кенигштайн, расположенном в 40 км от Дрездена, была обнаружена вывезенная из герцогства Варшавского казна. Отдавая 22 января 1814 г. распоряжение, как поступить с найденными средствами, Александр I высказал предположение, что находившиеся в числе прочих денежных средств российские ассигнации «вероятно все фальшивые» и повелел переслать их в Петербург к министру финансов¹⁷. Позднее другие современники, и в частности А.И. Михайловский-Данилевский, уже утвердительно говорили о запасах фальшивых ассигнаций в Кенигштайне¹⁸, хотя документальных подтверждений этому не приводилось. А.О. Имберг также вспоминал, что в Саксонии, помимо изъятых им лично, было выявлено ещё на 6 млн руб. фальшивых ассигнаций, вероятно, имея в виду найденные в Кенигштайне. Однако из цифр, приведённых Я.И. Печериным, следует, что в 1814 г. в Ассигнационный банк поступило фальшивых ассигнаций лишь на 2 830 655 руб.¹⁹, так что А.О. Имберг в несколько раз преувеличил действительно найденное число фальшивок.

Впрочем, о количестве фальшивых ассигнаций французского производства разговор ещё впереди, пока же следует заметить, что все поддельные российские ассигнации, найденные в Саксонии, поступили туда из герцогства Варшавского, чем ещё раз подтверждается полное отсутствие в Дрездене тайной типографии по изготовлению фальшивок.

Убеждение, что фальшивые ассигнации печатались французами в Варшаве распространено даже ещё больше, чем мнение о наличии тайных типографий в Саксонии. При этом схема происхождения данного мифа та же, что и в случае с Дрезденом, только её «источник» более солидный. В своих записках Александру I в начале февраля 1813 г. министр финансов Д.А. Гурьев сообщал, что, по имеющимся у него сведениям, в Варшаве при посредничестве «какого-то банкира Френкеля» были выпущены французами поддельные ассигнации²⁰. И хотя в этих записках нет ни слова ни о каких типографиях, а говорится лишь о том, что напечатанные французами фальшивки пушены в обращение, на это уже никто не обращает внимание.

Между тем, как и полагалось в таких случаях, по факту обнаружения фальшивых ассигнаций в Варшаве проводилось специальное расследование, которое не обнаружило на территории герцогства никаких подпольных типографий, где бы печатались подделки, и прямо указало, что поступали они из других мест, и в частности из погранич-

ного австрийского г. Броды²¹. Однако никаких запросов австрийскому правительству по этому поводу, судя по всему, сделано так и не было.

Что касается приготовления фальшивых ассигнаций в Москве, во время её занятия французами, то ещё М.Б. Маршак весьма убедительно показала все трудности изготовления фальшивок в походных условиях²². Тем не менее некоторые авторы продолжают настаивать на том, что подобная типография в Москве существовала или могла существовать. В доказательство обычно приводятся свидетельства современников, и прежде всего упоминание о каком-то станке, на котором якобы печатались подделки. Однако в ту эпоху станок для печатания денег едва ли чем отличался от обыкновенного типографского станка. Так что он с тем же успехом мог использоваться для печати разного рода приказов и распоряжений по армии или прокламаций и обращений к гражданскому населению. К тому же изготовление фальшивок требовало сохранения секретности, обеспечение которой в тех условиях, что сложились в Москве, после вступления в неё французов, привлекло бы ещё больше внимания и едва ли укрылось от современников. Тем не менее, кроме указаний на типографский станок, других свидетельств изготовления ассигнаций не имеется.

Более весомым аргументом могла бы стать «доска для делания фальшивых» сторублёвок, которую вроде бы захватили казаки в обозе маршала Бертье. Так, во всяком случае, утверждал А.И. Михайловский-Данилевский в своём «Описании Отечественной войны в 1812 году»²³. Смущает только, что в других опубликованных документах нет никаких упоминаний об этом эпизоде, да и сама литографическая доска так нигде и никогда не выставлялась. Вполне вероятно, что это был всего лишь один из тех слухов, во множестве передававшихся в то время современниками, который А.И. Михайловский-Данилевский, не будучи профессиональным историком, счёл возможным использовать в своём сочинении.

Наконец, если бы фальшивые ассигнации действительно печатались в Москве, то резонно предположить, что они были бы выявлены в первую очередь. Московский главнокомандующий Ф.В. Ростопчин после возвращения в оставленный неприятелем город дал специальное указание о розыске «распущенных французским правительством» фальшивых ассигнаций. Докладывая о ходе его выполнения, московский обер-полицейстер П.А. Ивашкин рапортовал 6 ноября 1812 г., что найдено было ассигнаций на общую сумму 4750 руб., и

французской серебряной монеты на 19 руб. 50 коп., и спрашивал, каким образом поступить с теми, у кого они были отобраны, и не предать ли их суду, как предусмотрено законом. Интересна реакция Ф.В. Ростопчина на этот доклад. То ли сумма ему показалась незначительной, то ли по каким-то иным причинам, но он как будто охладил к собственной затее и приказал «суду их предавать погодить», ссылаясь на то, что они могут отговориться получением фальшивок за проданный товар²⁴. Других документов в этом деле нет, и до конца так и не ясно, чем же оно всё-таки закончилось.

Формально ни главнокомандующий в Москве Ф.В. Ростопчин, ни тем более полицмейстер признать ассигнации фальшивыми не имели права. Этим занималось в данном случае Московское отделение Ассигнационного банка, в которое ассигнации предъявлялись для освидетельствования. Однако ни в декабре 1812 г., ни позднее указанные выше ассигнации туда не поступали. Поскольку наряду с ассигнациями были отобраны и французские монеты, о подделке которых не могло быть и речи, резонно предположить, что отбирались просто все деньги так или иначе полученные от органов управления, которые были созданы французами в Москве.

Как бы то ни было, но первые фальшивые ассигнации французской работы, выявленные в Москве, поступили сюда по почте из других городов. В апреле 1813 г. из Московского опекунского совета были присланы в отделение Ассигнационного банка для освидетельствования полученные в погашение задолженности из Рословской (так в документах. – *Н.Т.*) почтовой экспедиции (Смоленской губернии) от подпоручика Фёдора Мицкова десять 100-рублёвых и одна 50-рублёвая ассигнация²⁵. Все их признали фальшивыми, а так как были они «одинакова достоинства и на немалую сумму, каковой в отделение не поступало до сего времени от одного лица», то решили, не производя по ним обычного следствия, сразу направить эти ассигнации в Санкт-Петербург в Правление Ассигнационного банка²⁶. Только в октябре 1813 г. из Санкт-Петербурга пришёл ответ, что указанные ассигнации оказались «из числа почитаемых выпущенными от французского правительства», а потому на основании предложения министра финансов Д.А. Гурьева от 2 июля 1813 г. обычного платежа за них настоящими ассигнациями не производить, сами же ассигнации остаются в правлении банка «до общего о них распоряжения»²⁷.

Таким образом, окончательное решение о том, что фальшивые ассигнации являются французской подделкой, принимало уже Правление Ассигнационного банка в Санкт-Петербурге. До конца 1813 г. оно отнесло к этой категории ещё ассигнаций, присланных из Московского отделения, на сумму 8800 руб. Из них 7400 руб. поступили в Сохранную казну Московского воспитательного дома «для приращения процентами» в середине июня 1813 г. из поветового города Стародуба от статского советника И.В. Завадовского, который действовал в данном случае в качестве опекуна. Остальные двумя партиями в 850 и 550 руб. прислал в конце мая и в июне 1813 г. из г. Шклова штабс-капитан Дымчевич в погашение задолженности перед Ссудной казной того же Воспитательного дома²⁸.

К сожалению, в московских архивах нет дел за 1814 и 1815 гг., содержащих приказы Правления Ассигнационного банка в ответ на присылаемые из Москвы реестры фальшивых ассигнаций, тем не менее даже на основании имеющихся данных можно с уверенностью говорить, что фальшивые ассигнации в Москве французами не только не производились, но, скорее всего, и не выпускались в оборот. Что в общем-то не вызывает удивления, учитывая, что творилось в городе, охваченном пожарами и грабежами.

Больше всего, конечно, мифов существует о количестве фальшивых ассигнаций, выпущенных французами в обращение. Уже современниками назывались самые невероятные суммы. Так, например, генерал-адъютант Ф.П. Уваров писал Александру I из Москвы 18 октября 1812 г.: «Здесь ходят слухи, и с некоторыми доказательствами, что будто бы Наполеон... перевёз уже через Вислу фальшивых ассигнаций до 400.000.000 рублей»²⁹. Что это были за доказательства, в письме, однако, не указывалось.

Со временем в отечественной историографии закрепились две значительно более скромные цифры – 70 и 20 млн руб. Первая встречается реже и восходит к замечаниям М.М. Сперанского к проекту денежной реформы, представленному Е.Ф. Канкриним. Когда в конце 1809 г. Александр I поручил М.М. Сперанскому разработку плана для устройства российских финансов, то, конечно же, тот получил доступ к соответствующей статистике. Однако в 1812 г. последовали опала М.М. Сперанского и ссылка сначала в Нижний Новгород, а затем в Пермь. И хотя позднее он был возвращён на государственную службу, доступа к финансовой информации уже не имел.

Об этом свидетельствуют цифры, приводимые М.М. Сперанским в своей «Записке о монетном обращении». Он, конечно, догадывался, что в 1812–1815 гг. выпуск ассигнаций был негласно возобновлён, но не имел точного понятия о его размерах. В своей записке М.М. Сперанский оценивал его в 184 млн руб., что вместе с 577 млн руб., которыми должна была ограничиться в 1811 г. сумма ассигнаций, находящихся в обращении, давало только 761 млн руб. Тогда как реально в обращении к 1816 г. находилось около 831 млн руб. Разницу между фактической суммой обращавшихся ассигнаций и той, что получалась по его расчётам, М.М. Сперанский и счёл количеством фальшивых ассигнаций. При этом он не указывал, что все они были выпущены в оборот французами³⁰. На самом же деле эмиссия ассигнаций в 1812–1815 гг. превысила 244 млн руб.³¹, так что оценка числа фальшивых ассигнаций оказалась сильно преувеличенной.

Цифра в 20 млн руб. впервые появилась в вышеупомянутых записках министра финансов Д.А. Гурьева, которые он направил Александру I в начале февраля 1813 г.³² При этом сам министр подчёркивал, что получил сведения из третьих рук. Но в тот момент они его вполне удовлетворяли. Александр I, испытывая острый недостаток в серебряной монете, намеревался использовать российские ассигнации для расчетов за границей. Хорошо понимая последствия это шага (помимо лёгкости подделки, тут ещё имела значение разница в стоимости серебра внутри России и за границей, стимулировавшая спекулятивные операции, которые могли привести к новому падению курса ассигнаций), Д.А. Гурьев не стеснялся сгущать краски, чтобы объяснить государю те проблемы, с которыми предстояло столкнуться отечественным финансам.

На основании докладной записки министра «О фальшивых ассигнациях» было организовано следствие, материалы которого впоследствии частично опубликованы. Тем не менее его результаты редко упоминаются в литературе. Дело в том, что, как удалось выяснить следствию, французским правительством, а именно министром иностранных дел Ю.Б. Маре, было передано в казначейство герцогства Варшавского фальшивых ассигнаций ровно в десять раз меньше, чем сообщал Д.А. Гурьев, т.е. не 20, а всего 2 млн руб. Из них выпущено в народное обращение только 389 370 руб., да и те, за исключением 25 730 руб., возвратились обратно. Затем 474 270 руб. было отослано в Краков, и следы их теряются, а 1,5 млн руб. – в Дрезден, о чём уже говорилось выше.

Кроме того, ещё на 110 тыс. руб. фальшивых ассигнаций было продано секретарем Ю.Б. Маре варшавскому векслярю (меняле) Розену, который успел перепродать из них на 58 300 руб. Остальные были сданы им российским властям³³.

Таким образом, количество изготовленных французским правительством фальшивых ассигнаций, которое обычно называется в литературе, далеко от действительности. Можно, конечно, попытаться определить это число на основании показаний некоего гравёра Лаля о числе изготовленных им досок и наблюдений М.Б. Маршак о количестве подделок, отпечатанных с помощью одной доски. Но для этого, во-первых, следует всё же убедиться, что записки Лаля действительно существуют, а не являются плодом сочинений такого автора, как Э.Ф. де Бомон-Васси. А во-вторых, необходимо иметь представление о распределении подделок по номиналам. Дело в том, что знакомство с секретными журналами Московского отделения Ассигнационного банка не оставляет никаких сомнений в том, что французами поддельвались не только 100-, 50- и 25-рублёвые ассигнации, но также 5- и 10-рублёвые. При этом из архивных данных явно следует преобладание 100-рублёвых фальшивок, в то время как сегодня у коллекционеров можно купить главным образом 25- и, в меньшей степени, 50-рублёвые подделки французской работы, а 100-рублёвые встречаются крайне редко.

Кстати, о наличии 5-рублёвых фальшивок французской работы свидетельствуют разосланные из Санкт-Петербурга в 1813 г. циркуляры «о том, каким образом должно открывать фальшивые ассигнации», которые содержат ряд отличительных признаков, характерных для французских подделок. В первом, от 13 июня 1813 г., сообщалось, что ассигнации французской подделки «бывают ощутительно шелковаты, подписи почти на всех гравированные», а на некоторых 25-рублёвых имеются грамматические ошибки, «равно как и на пяти рублёвых». Во втором циркуляре, от 3 октября 1813 г., указывалось, что бумага на 100- и 50-рублёвых ассигнаций «более желтовата»³⁴. Описывались другие технические отличия этих, а также 25- и 5-рублёвых ассигнаций от настоящих. Кроме того, отмечалась ещё одна опечатка на 5-рублёвых – «вместо слова пять напечатано чать»³⁵. Таким образом, вопрос мог стоять только по поводу выпуска французами 10-рублёвых ассигнаций. Тем не менее, даже М.Б. Маршак, по всей видимости, не была знакома с публикацией указанных цирку-

ляров, так как писала лишь о косвенных доказательствах существования 5-рублёвых ассигнаций французской подделки.

Что уж тут говорить об архивных источниках, если даже не все опубликованные в полной мере используются исследователями. Надо полагать, что никто, писавший о фальшивых ассигнациях, так и не рискнул покопаться в бумагах Ассигнационного банка, которые могут содержать массу любопытных сведений. Пока же, рассуждая о количестве выпущенных французами подделок, приходится оперировать фактически всего лишь двумя источниками. Так, Я.И. Печерин приводит сведения о представленных в Ассигнационный банк фальшивых ассигнациях за 1813–1817 гг. в разбивке по годам, но не выделяет отдельно французские подделки³⁶. В свою очередь, П.А. Шторх даёт количество фальшивых ассигнаций, обмененных в 1819–1821 гг. на ассигнации уже нового образца, но опять-таки не выделяет отдельно подделки французского производства³⁷.

Правилами обмена на ассигнации нового образца, изданными при Манифесте «О перемене государственных ассигнаций» 1 мая 1819 г., предусматривалось, что фальшивые ассигнации «известной подделки, отличающиеся от прочих тем, что на оных подписи вместо рукописных печатные», в большом количестве принесённые, отсылаются в Ассигнационный банк и хранятся там до общего о таких подделках решения. Однако, учитывая, что «подлог ассигнаций с печатными подписями мало заметен», суммы до 100 руб. включительно, принесённые в первый раз, разрешалось обменивать на новые ассигнации немедленно³⁸. Соответственно, среди выпущенных в обмен на фальшивые ассигнации 1 578 500 руб. в 1819 г. и 1 461 055 руб. в 1820 г. могут числиться и уплаченные за французские подделки, но число их неизвестно. Судя по реестрам Московского отделения Ассигнационного банка, оно не должно быть велико.

Основная масса подделок на сумму в 3 754 965 руб. была обменена на ассигнации нового образца в 1821 г. Можно предположить, что на этот раз большинство фальшивок было французской работы. Причём в эту сумму должны были войти не только те подделки, что были предъявлены во время обмена, но и изъятые из обращения в 1813–1818 гг. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что в 1821 г. было обменено почти в два с половиной раза больше фальшивых ассигнаций, чем за каждый из двух предыдущих лет. А во-вторых, министром финансов изначально предполагалось принятие общего

решения обо всех французских подделках сразу. В ожидании этого решения, за подделки такого рода платежа не полагалось, в отличие от отечественных фальшивок (кроме тех, которые «по совершенному безобразию» очевидно было нельзя принять за подлинные). Когда же по окончании замены старых ассигнаций на новые обнаружилось, что 10,9 млн руб. ассигнаций старого образца так и не были предъявлены к обмену, то вполне вероятно, что министр финансов счел этот момент благоприятным для окончательного решения вопроса о французских подделках. К сожалению, обнаружить приказ Правления Ассигнационного банка о платеже за французские подделки в делах его Московского отделения пока не удалось.

Добавляя к сумме обмененных в 1821 г. фальшивых ассигнаций ещё 2 млн поддельных банкнот, которые были переданы министром иностранных дел Франции Ю.Б. Маре министру финансов герцогства Варшавского, а также учитывая, что какое-то количество 50- и 25-рублёвых фальшивок французской работы так и не было выявлено, и сегодня их сравнительно легко можно приобрести на рынке, получим общий размер выпуска французских подделок в сумме около 6–6,5 млн руб.

Нельзя, однако, забывать и отечественных умельцев. Дело в том, что, по мнению ряда литовских историков, известный фальшивомонетчик И. Цейзик мог выпускать по крайней мере часть своей продукции, имитируя французские подделки³⁹. Во всяком случае, ему было известно о выпуске французским правительством фальшивых российских ассигнаций, а также о том, что подписи на них проставлены типографским способом. Фактически именно способ проставления подписей на ассигнациях позволял отличить подлинные банкноты от фальшивых. Хорошо известные грамматические ошибки (как, например, буква «л» вместо «д» в словах «государственный» и «ходячею») имелись далеко не на всех подделках, а другие особенности могли усмотреть только специалисты Ассигнационного банка. Поэтому именно Правление этого банка принимало окончательное решение о том, является ли присланная с мест фальшивка «выпущенной от французского правительства» или нет. Обращение к архивам Ассигнационного банка, возможно, позволит наконец, если не решить вопрос о количестве выпущенных французами подделок, то по крайней мере определить число изъятых.

Значительный интерес представляет также география распространения французских подделок. Пока в этом направлении работы

практически отсутствуют, за исключением статьи Л. Квизикявичуса⁴⁰, который довольно убедительно продемонстрировал, что массового выпуска французами фальшивых ассигнаций в Литве не было. Но остаются другие районы. Если присылку фальшивых ассигнаций французской работы в Москву, например, из Смоленской губернии или Шклова в общем-то можно понять, то как они появились в Стародубе ещё предстоит объяснить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отечественная война 1812 года: Энциклопедия, М., 2004. С. 746.

² После того как «История Вандей» была опубликована в 1806 г., А. де Бошана обвинили в разглашении государственной тайны и уволили с занимаемой должности. В 1809 г. он был выслан из Парижа и переехал на жительство в Реймс, но в 1811 г. получил разрешение вернуться в столицу и снова был принят на государственную службу, которую окончательно покинул во время Реставрации.

³ *Beauchamp A., de. Critique historique: Avec des observation litteraire, sur l'ouvrage du general comte de Segur...* P., 1825. P. 58. В русском переводе см.: Рус. архив. 1869. № 9. Стб. 1458.

⁴ Alphonse de Beauchamp. <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/57585/Alphonse-de-Beauchamp> [16.03.2014]

⁵ Из архива Н.Н. Новосильцева // Рус. архив. 1911. Кн. 3. № 9. С. 129.

⁶ Наполеон и его экономическая диверсия против России. <http://www.dopinfo.ru/useful/cognitive15/ve-int-115.php> [16.03.2014]

⁷ Из архива Н.Н. Новосильцева. С. 133.

⁸ Французы в России: 1812 год по воспоминаниям современников-иностранных. М., 1912. Ч. 1. С. 84.

⁹ *Segur F., de. History of the Expedition to Russia, undertaken by the Emperor Napoleon in the Year 1812.* L., 1825. Vol. I. P. 55–56. В русском переводе первые главы, где содержится упоминание о фальшивых русских ассигнациях, отсутствуют.

¹⁰ *Beauchamp A., de.* Op. cit. P. 57; Рус. архив. 1869. № 9. Стб. 1457.

¹¹ Приготовление по приказанию Наполеона I английских и русских фальшивых ассигнаций и банковских билетов // Рус. старина. СПб., 1900. Т. 104. № 11. С. 330.

¹² *A History of my Time, Memoires of Chancellor Pasquier.* Vol. I: 1789–1810. L., 1893. P. 554–555.

¹³ *Фарфоровский С.* Наполеон Первый и наши поддельные ассигнации // Рус. архив. 1912. № 1. С. 130.

¹⁴ Из записной книжки Алексея Осиповича Имберга // Рус. архив. 1870. № 2. Стб. 390–393.

¹⁵ *Пикуль В.П.* Деньги тоже стреляют. <http://www.rulit.net/books/dengi-tozhe-strelyayut-read-71307-2.html> [16.03.2014]

¹⁶ Из архива Н.Н. Новосильцева. С. 138, 155–156.

¹⁷ Сборник исторических материалов, извлеченных из собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1891. Вып. 4. С. 12.

¹⁸ Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч. 3. С. 289.

¹⁹ Печерин Я.И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1844 по 1864 г. включительно. СПб., 1898. С. 263.

²⁰ Внешняя политика России XIX и начала XX в. Сер. первая: 1801–1815. М., 1970. Т. 7. С. 54.

²¹ Из архива Н.Н. Новосильцева. С. 148–149.

²² Маршак М.Б. Наполеоновские подделки русских ассигнаций // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XXVI (Нумизматика, 6). 1986. С. 57.

²³ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. СПб., 1839. Ч. 4. С. 291.

²⁴ К истории 1812 года // Рус. архив. 1865. № 4. Стб. 493–494.

²⁵ ЦИАМ. Ф. 618. Оп. 1. Д. 232. Л. 158.

²⁶ Там же. Д. 230. Л. 74об.–75.

²⁷ Там же. Л. 31.

²⁸ Там же. Л. 41–41об.; Д. 232. Л. 368, 425–425об, 438об.–439.

²⁹ Сборник исторических материалов, извлеченных из собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1889. Вып. 2. С. 420.

³⁰ Сперанский М.М. Записка о монетном обращении. СПб., 1895. С. 12 (примеч. **), 42.

³¹ Шторх П.А. Материалы для истории государственных денежных знаков в России с 1653 по 1840 г. // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1868. № 3. С. 815.

³² Внешняя политика России... Т. 7. С. 54.; Из архива Н.Н. Новосильцева. С. 129.

³³ Из архива Н.Н. Новосильцева. С. 155–156.

³⁴ М.Б. Маршак, исследовав корпус сохранившихся в фондах Эрмитажа фальшивых ассигнаций, напротив, отмечает, что бумага у фальшивых ассигнаций французской работы имеет голубоватый оттенок, тогда как подлинные чисто белые, чуть желтоватые от времени (Маршак М.Б. Указ. соч. С. 63.).

³⁵ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года. М., 1897. Ч. 1. С. 70–73.

³⁶ Печерин Я.И. Указ. соч. С. 263.

³⁷ Шторх П.А. Указ. соч. С. 820.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXXVI: 1819. СПб., 1830. С. 161.

³⁹ Грималаускайте Д. Локализация места производства фальшивых ассигнаций И.Цейзика (1779–1860) и некоторые аспекты их распространения // Pieniądz - kapitał - praca - wspólne dziedzictwo Europy: Materiały z VIII międzynarodowej konferencji numizmatycznej. Białystok-Augustów, 18–21 września 2008. Wars., 2008. S. 200; Квизикявичус Л. Мастер своего дела фальсификатор ассигнаций Игнатий Цейзик // Нумизмат. альманах. 2007. №2. С. 41.

⁴⁰ Квизикявичус Л. Обращение и распространение наполеоновских подделок русских ассигнаций в Виленской губернии в первой четверти XIX в. // Нумизмат. альманах. 2010. № 2. С. 32–38.